

ПЕРВЫЙ ПЕРЕЛЁТ

рассказ

© Елена Виктори, 2020

<https://evictory.ru>

Случилась эта история более двадцати лет тому назад, в начале 90-х годов.

Обнявшись на прощание с подругой, мы разъехались в разных направлениях: она на вокзал, а я – в аэропорт. Опрометчиво решив, что всё интересное осталось в прошедших днях московских каникул, я совершила ошибку номер один: упрятала модные новенькие босоножки в дорожную сумку, а сумку сдала в багаж. Ошибка неизбежно повлекла за собой ошибку номер два – я заменила босоножки на удобные, но растоптанные туфли-лодочки. Время ожидания в аэропорту пролетело незаметно, объявили рейс, трап подогнали к самолету. Стая белых птиц, стюардессы в накрахмаленных кофточках, торжественно, как выпускницы на последней линейке, встречали пассажиров. Одна выделялась особенно, и я специально выждала момент, чтобы она проверяла мой билет. Окрестила её Моной Лизой и подумала, что постараюсь в полёте лучше рассмотреть удивительное лицо.

Пассажиры расселись по местам. Прошло десять, потом пятнадцать минут, но приготовлений к полёту не намечалось. И даже трап, как заметил один наблюдатель, не увезли от входа. Спустя еще некоторое время пассажиры стали проявлять явные признаки нетерпения.

– Не волнуйтесь, уважаемые пассажиры, мы ждём важную делегацию, которая прибудет с минуты на минуту, – выступила молоденькая стюардесса, и поток злословия перетёк в иное русло: уже сдружившиеся пассажиры щедро бросали словесные остроты в адрес рейса, авиакомпании и страны. «Кого ждем, министра или президента?» – допытывался неутихающий пышный гражданин-заводила. А любители поострить объявляли: «Полёт окончен – покидаем самолёт!»

Но появление делегации произвело эффект внезапно влетевшей шаровой молнии и волнение пронеслось по салону в порядке узнавания гостей, среди которых были артисты кино Георгий Жжёнов и Панкратов-Чёрный. Актёры уселись по разным местам, находящимся на отдалении друг от друга. Панкратов-Чёрный – у входа, а Георгий Жжёнов – наискосок от меня. Его кресло находилось с краю, нас разделял проход, стоило немного повернуть голову назад, чтобы увидеть актёра.

Когда знаменитость или публичная персона сходит с экрана и появляется в твоей жизни, это, как минимум, впечатляет. Мощное энергетическое поле моментальное накрыло всех нас, зрителей. Мы знали появившихся гостей, смотрели фильмы, читали интервью. Но они ничего не знали о нас, мы все стали единым целым – маленькой частью безликой публики. Вот там сидит актер Панкратов-Чёрный, здесь – Жжёнов, остальные – просто люди разных профессий и возрастов.

С первых шагов Панкратова-Чёрного начались непрекращающиеся шутки и анекдоты. Здесь, на высоте десять тысяч метров над землёй, он давал бесплатный концерт. Стюарды и стюардессы подходили к нему под любым предлогом: «Воду? чай? коньяк?» и

оставались послушать байки, которыми он щедро всех баловал. Поклонники выстраивались в очередь за автографами, получали порцию комплиментов и юмора, и уходили довольные. Иногда Мона Лиза появлялась в салоне. Она шествовала с невозмутимым спокойствием королевы, и, в отличие от коллег, уделяла больше внимание обычным пассажирам, нежели звёздным. Лицо её разительно отличалось от хорошеньких кукольных лиц представительниц «Аэрофлота». Каждая черта лица в отдельности была нарушением канонов красоты: тонкий нос с горбинкой, глубоко посаженные глаза, чрезмерно удлинённый овал лица и подбородок. В её внешности не было ничего и было всё одновременно! Сколь не разбирай её на «части», а загадка не разгадывается. Живая Мона Лиза, сошедшая с полотна да Винчи, ходит по салону, улыбается, подаёт напитки.

Георгий Жжёнов – вот кто не поддавался наблюдению в связи с местоположением кресла, но я всё равно изредка поглядывала на него. Крупная, как у художников или философов кисть руки, подпирающая высокий волевой лоб, создавали поистине сократовский образ. Сидит в глубоком молчании. Замер, недвижим, задумчив. Воплощённое античное изваяние мыслящему человеку. Жжёнов завораживает, и второстепенная, происходящая в салоне сюжетная линия, не сразу мной замечена. Молодые парни прохаживаются по салону, бросая на меня многозначительные взгляды. Все рослые настолько, что головой упираются в потолок. Спортсмены, наверное. Волейболисты? Приблизительно лет по двадцать. Их внимание – просто везение! Ведь я такая обычная! Но волей случая нашим рейсом летят дамы в возрасте, семьи с детьми, седые джентльмены, и нет молодых девушек, кого можно выбрать объектом внимания. Смущаюсь, теряюсь, сосредоточенно копаюсь в сумке, и как бы не замечая ничего внешнего.

Не стихает взрывной хохот стюартов, окруживших Панкрата, идёт выступление при полном аншлаге. Весь авиа персонал собрался, хорошо, хоть пилот по-прежнему в кабине, а не пришёл слушать театральные байки. Моны Лизы тоже нет. Значит, и я не пойду. Гораздо больше меня интересует личность молчаливого Жжёнова. Шатания парней по салону принимают наступательный характер, один из них дважды натывается на моё кресло. Поднимаю глаза, показывая, что намерения о знакомстве мне понятны. Достигнута первая негласная договоренность, и хождения по ковровой дорожке на время прекращаются.

И вот – затишье. Отлучился Панкратов, умолкли голоса, и тишина, как подушка безопасности, накрывает наш самолёт. Тишина, похожая на знамение. Кажется, что сейчас ангелы запоют хором дивных голосов, или шквал аплодисментов встретит Александра Панкрата-Чёрного, или что-то иное начнет происходить... Пустота подобной тишины слишком обманчива, чтобы быть бессодержательной, она лишь предвестник, через секунды начинает разворачиваться самое непредсказуемое кино, и я жду.

Мона Лиза бесшумно скользит по самолету, и до сих пор неподвижный Жжёнов делает легкое, манящее движение рукой. Она идёт к нему, чтобы выполнить заказ. Он говорит долго, и я напрягаюсь спинным мозгом, чтобы уловить малейшие обрывки слов. До меня долетают короткие фрагменты речи, несколько опьяняющих отрывков, а Мона Лиза, обученная быть хладнокровной и сдержанной в стрессовых обстоятельствах, оседает, плывёт, превращается в кроткую девочку-подростка. Она ловит фразы и без остановки шепчет «спасибо...», а капитан «Экипажа» взвешенно отчеканивает слова, словно золотые монеты. Ей, стюардессе, Жжёнов рассказывает о судьбе, которая случилась бы с ней – актрисой. Как всемогущий чародей он разворачивает картину несуществующего, но возможного, почти параллельного будущего, где магия красоты вплетается в характеры несыгранных героинь. Мона Лиза приседает на корточки, осторожно касается руки маэстро и снова благодарит. Аудитория окончена, стюардесса ускользает, подобно бабочке, унесённой ураганом. И меня бросает в жар, как будто не она, а я только что услышала нечто ценное о себе. Мысли беспрепятственно следуют за стюардессой: она входит в служебную

комнату, прижимает руки к пылающим щекам, слушает собственное сердце, бьющееся в удвоенном ритме. И повторяет слова, чтобы ничего не упустить. Конечно, фильм «Экипаж» она видела. Но теперь пересмотрит не единожды, как и все фильмы с участием актёра.

Окидываю взглядом окружающих – кто-нибудь видел? Но никто не потрясён, не удивлён, а соседи и Жжёнова и вовсе спят. Актёр не только мастерски подобрал слова, но и выждал момент. Пассажиры делают что угодно: едят, читают, болтают, и я не нахожу ни одного, подобного мне, свидетеля случившейся сцены. Не успеваю усвоить материал, воспринимаемый не иначе, как писательский аванс, – новый поворот событий отвлекает меня. Из шторок на входе, куда только что впорхнула взволнованная стюардесса, как из театральных кулис, появляется новое действующее лицо. Лицо это, изрядно помятое от сна, медленно следует через салон в туалет. Крашенная блондинка лет двадцати-двадцати пяти (сразу и не определишь!) с короткой стрижкой в стиле Монро. От глубокого декольте до оголённых ног, сверху и снизу обнажено всё, что может быть доступно для рассмотрения в общественном месте. Упругая попа, обтянутая неприлично короткой трикотажной юбкой – надутый мяч, и спортсмены уже столпились у входа, словно стая гончих перед охотой. Монро маленького роста, и попа явно тяжеловата для тоненьких на шпильках ножек, но всё это не имеет никакого значения для парней, не отрывающих взглядов от полуспортивного атрибута.

«Спящая красавица» кладет в рот жвачку, а моя душа, минуту назад парившая в облаках от причастности к чужой тайне, со свистом пролетает тысячи метров вниз. Внутренний скептик уже подвел объективные итоги: аут. Участь моей скромной кандидатуры с длинной русой косой и блузкой вчерашней школьницы решена однозначно, я вне игры. Наверное, у меня на лбу написано, что в сумочке лежит билет в детско-юношескую библиотеку. А туфли...! Старые растоптанные лодочки, тогда как новые босоножки летят в багажном отсеке (ошибка номер один!) «Какая дура! Догадалась бы взять их в салон...» Впрочем, они бы ничего не спасли, кроме самооценки, да и то вряд ли. Красотка шествует обратно с полным триумфом: боевой раскрас глаз, напомаженные губы, начёсанная прическа. Молодые лоси ждут её у входа по стойке смирно. Диалог — скоростной пинг-понг, её низкий прокуренный голос, и флюиды, и опыт, и готовность к продолжению... По довольным парням видно, что они быстро обо всем договорились. К спортсменам присоединяется ещё один из их компании, что-то бурно обсуждают. До меня доносятся слова: «она — маленькая...» Кажется, обо мне. «Да не маленькая я...!» – хочется закричать мне на весь салон. Я уже читала Флобера, и Мопассана, и Бальзака!!! Я столько знаю о страданиях любви, пусть даже из книг....

Выходит Мона Лиза, она уже припудрила волнение и почти также спокойна, как и в начале полёта. Парни провожают её взглядом иначе, чем ту, с мячом вместо попы, они смотрят с восхищением. Один из парней вдруг направляет к моему креслу, останавливается напротив и долго смотрит мне прямо в глаза, словно просит прощение. И я смотрю на него с отчаянием и стыдом за то, что я – «еще маленькая». Когда он уходит, меня охватывает неуёмное беспокойство, и нет сил оставаться на месте. Мне нужно что-то придумать, и это «что-то» каким-то образом связано со Жжёновым... Только что? И при чём здесь актёр? Но решение, в котором Георгию Жжёнову отводится роль третейского судьи, уже готово. «Если Жжёнов посмотрит на меня, когда я пройду мимо, – загадываю я, – значит, во мне есть содержание (ведь смог же он разглядеть удивительную стюардессу!), а если нет, видимо, я такая же пустышка, как эта крашенная кукла...»

Ну вот, под завязку мой выход. Для чистоты эксперимента иду по салону сдержанно, едва дыша. И Жжёнов не шелохнётся, бровью не ведёт, как нет меня. Не замечает! Спортсмены выбрали другую, Жжёнов не реагирует, самолёт приземлится благополучно, и в газетах не напишут, что настоящая катастрофа случилась в душе одной из пассажирок. «Значит, нет во мне внутреннего содержания», – мрачно решаю я, и поворачиваюсь, чтобы

посмотреть на актёра. Последнее «фото» на память. И тут момент наивысшего катарсиса: Жжёнов тоже поворачивается и смотрит на меня. Глаза добрые и смеются, легкая ироничная улыбка – он видел раунд, где русская коса потерпела нокаут от доморощенного секс-символа в мини-юбке. «Это не стоит ни слёз, ни переживаний», – читается в его глазах, словно актёр прочитывает пространство как сцену, где разворачиваются события.

Самолёт приземляется, парни, как и следовало ожидать, следуют за красоткой в мини. Спортивные сумки на плечах подтверждают гипотезу о том, что они приехали на соревнование. Девушка уверенно идёт в центре, ей комфортно среди поклонников, я бы так не смогла и чувствовала себя «не в своей тарелке». Парни стараются перехватить друг у друга маленький красный чемодан красотки. «Пять бегемотов делят спичечный коробок», – грустно думаю я. И честно признаюсь: будь я на её месте, подобное рыцарство не показалось бы мне таким уж смешным.

Артистов встречают на машинах, и бортпроводники машут им вслед, словно добрым друзьям. Глаза Моны Лизы светятся, как у невесты. Первый самостоятельный полёт равен для меня трансатлантическому перелёту, и я принимаю успокоительное решение – записать впечатления в дневник. И спортсмены, и красотка, и стюардесса, и актеры кино, и я сама, с этой минуты невольные заложники сюжета. Пусть читатель вдыхает пьянящие слова Георгия Жжёнова вместе с Моной Лизой, восторгается дерзкой блондинкой и грустит об упрятанных в багаж новых туфлях. Пусть любой желающий займёт своё собственное место на рейсе 3** и совершит полёт вместе с нами.

Я иду по второму этажу, разглядывая город через огромные, до пола, стёкла. Вижу, как парни договорились с таксистом, погрузили вещи в машину, усадили девушку, но что это? Тот, который смотрел на меня, не садится, он продолжает стоять напротив входа, достаёт сигарету. Он ждёт, напряжённо просматриваясь в лица выходящих из здания, а поток людей всё увеличивается. Ему бы просто поднять глаза вверх, на окно второго этажа, но всё его внимание приковано к выходу. Друзья смеются, потом начинают сердиться, машут из машины, показывая, что таксист включил счётчик. Меня сковывает робость, я не знаю, чего больше хочу: чтобы парень ушёл или чтобы дождался? Смотрю на старые туфли, и надо мной тяготеет наивное полудетское сомнение, что я, быть может, упускаю самую большую любовь. В тот момент я и предположить не могу, что аэропорт станет знаковым местом любовных потерь в моей жизни. А парень всё не уходит. Как долго, как терпеливо он ждёт... Всё, повернулся к такси. Машина отъезжает. Спускаюсь вниз. На асфальте тлеет недокуренная сигарета. Его сигарета. Медленно потухает огонёк, настоящее отодвигается в прошлое, подаренный шанс становится упущенной возможностью, ВОЗМОЖНО превращается в НИКОГДА.

Как-то, включив телевизор (прошло пару лет после поездки,) увидела передачу с участием Александра Васильевича Панкратова-Чёрного. Как обычно в юмористической форме он рассказывал, как однажды ему позвонили по телефону и предложили принять участие в кинофестивале в Ханты-Мансийске. Он дал согласие, не сомневаясь, так как был уверен, Ханты-Мансийск – где-то в Финляндии. Ведь именно там такие названия: Тахковуори, Савонлинне, Ханкасалми... Ханты-Мансийск. Но в завершении сказал, что актёрский состав остался доволен тёплой встречей, оказанной им северном регионе.